

Следует подчеркнуть, что существуют самые разные виды насильственной преступности – грабежи, разбойные нападения, половые преступления, убийства, где, помимо моральной травмы, у жертвы доминируют телесные повреждения различной степени тяжести. Даже защищая себя, близких и знакомых от нападения, человек способен убить и причинить тяжкий телесный вред самому преступнику. Из этого следует, что каждому насильственному преступлению по сути присущ тот или иной вид агрессивности. Именно ее конкретный вид показывает и раскрывает саму типологию насильственного преступника, его внутренний мир, природу его поведения, методы и способы, которыми он совершает преступление.

Выделяют следующие наиболее яркие виды агрессивности. Реактивная агрессивность характеризуется выбросом негативных эмоций (гнев, враждебность, ненависть), реализуется в экспрессивной, импульсивной и аффективной формах.

Враждебная агрессивность рассматривается как осознанное намерение нанести вред группе лиц. Чаще всего она проявляется в социально-политическом аспекте (такие преступления как террор, геноцид, расовые, религиозные, идеологические столкновения) [3].

Физическая и вербальная агрессия характеризует степень и глубину морально-нравственных и телесных страданий личности. Инструментальная агрессивность – это использование агрессивной формы поведения для достижения позитивной цели, и причинение вреда окружающим в этом случае не является самоцелью.

Существуют также такие виды агрессивности как аутоагрессия, устойчивая агрессия, предметно-недифференцированная, избирательно-предметная, чаще всего отражающие расстройства психического плана. Такая агрессивность выступает в виде одного из многочисленных симптомов, характеризующих патологию.

Есть умышленная, целенаправленная, фрустрационная агрессивность, раскрывающие структуру преступной личности с позиции эгоцентризма.

Более подробно остановимся на такой проблеме как подростковая агрессивность.

Проявляется она в период девиантного (отклоняющегося) и деленквентного (преступного) поведения. Это такой образ жизни, который формирует у подростка негативные элементы поведения. Стоит подчеркнуть в этой связи некоторые подростковые группы, объединения, культивирующие агрессивные формы поведения как ценностный фактор. Ведущими здесь являются объединения

криминального и случайного толка. Элементы немотивированной жестокости, грубость, отсутствие жалости к жертве, а также соучастия и сострадания к ближнему – вот базовая психологическая составляющая подобных подростковых объединений [5].

Из всего этого следует, что всех лиц, использующих тот или иной вид агрессивности, можно разделить на две большие группы. Первая группа – абсолютно не контролирующая себя агрессоры, у которых отмечаются слабые сдерживающие начала, и они часто ведут себя достаточно агрессивно. Вторая группа – чрезмерно контролирующая себя агрессоры. У них есть мощные качества, удерживающие от частого агрессивного поведения. Такие лица достаточно долго выносят нападки, провокации; внешне они кажутся терпеливыми, а к агрессии прибегают неожиданно резко [4].

Завершая рассмотрение данной проблемы, можно выделить последний вопрос, посвященный коррекции агрессивности у лиц, склонных к частным конфликтам, для которых насилие – единственный способ решения любых спорных вопросов. Основной принцип здесь – психотерапевтическая работа с лицами, относящимися к группе риска. Для агрессоров, чрезмерно контролирующих себя, она должна быть направлена на повышение их самоуважения и уверенности в себе. Для абсолютно не контролирующих себя агрессоров психотерапевтические воздействия должны быть направлены на изменение отношения к другим людям, на выработку навыков решения проблем и конфликтов неагрессивным социально-адаптивным способом. Следующий принцип – подбор индивидуальных тренингов, с помощью которых лицам, имеющим склонность к агрессии, прививают коммуникативные качества, необходимые для общения в различных сложных ситуациях [2].

Подводя итог, можно сделать вывод, что агрессивность является краеугольным камнем при анализе и характеристике как насильственных преступлений, так и самой преступной личности.

1. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. – М., 1996.
2. Романов В.В. Юридическая психология. – М., 2004.
3. Дмитриев А.В. Введение в юридическую психологию. – М., 2003.
4. Аминов И.И. Психология для юристов. – М., 2005.
5. Замановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). – М., 2003.
6. Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб., 2004.

Н.Ю. Каценеленбоген

СТЕРЕОТИПЫ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

The article is devoted to the problem of stereotypical verbal and non-verbal communicative behavior of people representing different social communities.

Язык, как не раз отмечалось, представляет собой средство организации социального общения и понимания. Посредством языка люди выражают свое отношение к окружающей их действительности. То есть сложность языковой системы обуславливается прежде всего бесконечным многообразием отражаемой в нашем сознании действительности. Вместе с тем само устройство языка предопределяет сложный характер функционирования механизмов речевой деятельности. Б.Ю. Норман отмечает, что конкретный индивид – говорящий человек – не замечает этой сложности, потому что «язык есть прежде всего сфе-

ра общепринятого» (слова А.М. Пешковского) [11, с. 11]. В самом деле, какие бы оригинальные мысли мы ни высказывали, сколь бы ни была свежа и непредсказуема наша речь, она «строится по вполне определенным и давно известным шаблонам, из строго определенного заранее заданного материала. В сходных ситуациях и речевые действия человека будут однотипны» [там же].

Следовательно, речевая деятельность человека в значительной степени подвержена стереотипизации. Например, письмо к родственнику, относящееся к письменной речевой деятельности, неизменно начинается со стереотипного приветствия: «Здравствуйте, дорогие ...» или «Привет, сестренка!», «Dear Granny...», далее идет вступление, которое как бы продолжает «контактоустанавливающую» функцию приветствия и сводится тоже к немногочисленным вариантам: «Извини, что давно не писал», «Открытку твою получил», «Thank you for your letter». И даже при переходе непосредственно к изложению новых новостей используются готовые слова и стереотипные обороты речи. Например: «У нас все нормально», «Тетя Маша все болеет», «Life goes smoothly».

Иначе говоря, в основе любого высказывания лежат предельные образы; в письменной речи (как и в устной) очевидно стремление говорить «как все, как принято, как заведено». Словесное творчество, деятельность говорящего человека сводятся к ограниченным комбинациям из заданного материала, потому что «в стандартности, в моделируемости нашей речи заложен глубокий смысл: гарантия взаимопонимания. Без этого качества язык просто не смог бы осуществлять свои функции в обществе» [там же, с. 12], хотя, конечно, отклонения от стандартов возможны, но только на общем фоне соблюдения правил.

В основе такого сложного проявления речевой деятельности человека как художественное произведение лежит строгое соблюдение стандарта, шаблона, образца; таким образом, даже творчество не свободно от использования готовых языковых форм, речевых стереотипов, так как «язык – сфера общепринятого», и законы речепроизводства одинаковы для рядового носителя языка и для великого носителя» [там же, с. 13].

В основе появления и распространения стереотипов лежит тот факт, что одни словосочетания выглядят в сознании носителя языка естественнее и привычнее, чем другие. Вот эта «мера привычности», или «мера вероятности» [11, с. 90], с которой один член словосочетания предсказывает появление другого члена, называется устойчивостью словосочетаний. Как правило, устойчивая сочетаемость ведет также к семантической слитности, неразложимости выражения – идиоматичности [11, с. 91; 5, с. 47]. Основания этого качества заложены в универбализации [11, с. 91]: становясь устойчивым, словосочетание превращается в готовый знак, используемый в речевой деятельности целиком. Конечно же, в стандартной речевой ситуации говорящему легче всего воспользоваться готовыми «коммуникативными блоками»: стандартными и устойчивыми сочетаниями слов, которые непосредственно соотносятся с актуальной семантикой [11, с. 92], то есть сочетаемостью слов, вбирающая в себя языковой опыт общества, проецируется на коммуникативную ситуацию и составляет основу речевой стратегии говорящего.

Для разных языков характерны различные коммуникативные блоки, речевые шаблоны, так как в языковой системе находят отражение «особенности познавательного опыта конкретного народа, черты его материальной и духовной культуры, а также определенная, принятая данным языком «конвенция».

Выделяют три уровня проявления и формирования национальной культуры: 1) базовое стереотипное ядро знаний; 2) периферийное стереотипное знание; 3) личный уровень (выбор знаний, обусловленный воспитанием, образованием, жизненными условиями и другими личностными факторами).

Типизированное описание коммуникативного поведения народа не предполагает, что оно является собой некоторую совокупность коммуникативных стереотипов, обнаруживающихся у каждого носителя языка. Невозможно однозначно описать и коммуникативные стереотипы, характерные для большинства носителей языка, – скорее это будут стереотипы, обнаруживающиеся в коммуникативной деятельности многих носителей языка.

Такие стереотипы существуют в национальной культуре, ее фонде, концептфонде; ими не обязательно обладать каждому носителю языка, так как это уже вопрос выбора, отдельные индивиды овладевают определенной частью коммуникативного поведения народа, но никогда – всей совокупностью этих стереотипов [13, с. 36]. Тем не менее опыт каждого народа в значительной мере отличается от другого; при переводе изучающий иностранные языки может столкнуться с трудностями, обусловленными специфичностью культуры иностранного языка, которая в языке находит выражение в разного рода языковых стереотипах. Попробуем подробнее рассмотреть нацио-

нальную специфику устойчивых языковых выражений, связанных с поведением человека в быту, как подвид стереотипного языкового поведения.

Речь идет о вербальной реакции говорящих на различные ситуации. В сходных ситуациях вербальные реакции имеют тенденцию к стереотипизации, приобретая более или менее устойчивый характер. Так образуются вербальные рефлексы, которые В.Г. Гак называет фразеорефлексами, если им свойственна определенная идиоматичность [5, с. 47]. По структуре идиорефлексы могут быть одночленными (однословными) – отдельные слова в соответствующей грамматической форме с определенной интонацией) и многочленными. В последнем случае они представляют собой фразеологические единицы, или фразеорефлексы [там же].

Идиорефлексы, как и всякий языковой знак, характеризуются в плане содержания и в плане выражения. Содержанием (функцией) идиорефлекса является выражение реакции говорящего на разнообразные явления действительности, на различные ситуации. Функции эти чрезвычайно многообразны, но их можно свести в следующие основные группы:

1) формулы этикета (приветствия, формулы вежливости): здравствуйте; Good morning;

2) реакции на неожиданные звуки, например, на чихание: будьте здоровы; God bless you!;

3) реакции на проявление чего-либо, возникновение или повторение явления: здравствуйте, я ваша тетя!; опять двадцать пять; только этого не хватало; Perish the thought (употребляется в виде ответа на неприятное предложение или мысль: I'm afraid you will not pass your exams going on like this – Perish the thought!). Сравни: Не приведи Господь!;

4) реакции на определенную ситуацию: прости-прощай!; Hello, stranger! (употребляется при встрече с человеком, которого говорящий не видел долгое время);

5) реакции на слова, в том числе на вопросы, мнения собеседника или иного лица: с чего это вы взяли?; а ты думал!; расскажи своей бабушке!; You can talk / You are a fine one to talk! / Look, who is talking! Сравни: Кто бы говорил? Чья бы корова мычала, а твоя молчала! Не тебе говорить это!;

6) оценка слов и действий другого человека: ты что, с ума сошел?; как не стыдно; I am a Dutchman (используется, чтобы выказать недоверие словам собеседника: Mike is going to New-York for week-end, – Sure, and I'm a Dutchman). Сравни: «Ну, если она балерина, тогда я – папа Римский...»;

7) выражение побуждения, что само по себе также является реакцией на ситуацию и поведение других людей: давай-давай!; welcome aboard!; come on – come on! Bottoms up! сравни: (за)ваше здоровье!;

8) языковые шутки, которыми нередко оснащается роль: We need a clothes-peg here.

Как видно из приведенных примеров, фразеорефлексы представляют собой отдельные высказывания. Они принимают грамматическую структуру неполного предложения либо полного предложения повествовательного, побудительного или вопросительного, обычно в восклицательной форме. По стилистической окраске фразеорефлексы часто относятся к разговорной речи или даже к просторечию. Активное и естественное общение носителей языка не обходится без подобного рода изречений, они фиксируются в словарях и других изданиях.

Национальная специфика фразеорефлексов может касаться содержания и формы. В первом случае речь идет о ситуациях, которые в одном языке отмечаются фразеорефлексами, в другом – нет. Здесь различие между языками проявляется на уровне содержания. Во втором случае одна и та же ситуация отражается в двух языках выражениями разного лексико-грамматического состава

разной образности. Приведем примеры расхождений в языковой форме: Наверно, снег пойдет! – That's one for the books! Например: Mike is doing the flat! – That's one for the books!; значение «(за) ваше здоровье!», в английской разговорной речи может быть выражено рядом форм: To your health!; Bottoms up!; You (good) health!

Национальная специфика фразеорефлекса состоит в выборе образа и его лексических репрезентаций, так как во фразеорефлексах отражаются особенности быта данного народа, его истории, ходячие формулы повседневной жизни. Нередко они представляют собой реминисценции исторического, литературного, бытового характера. Существуют два вида таких реминисценций – цитатные и ситуативные. В первом случае формулы взяты из какого-то текста, часто в несколько измененной форме. Так, выражение «На Шипке все спокойно» восходит, по видимому, к цитате из коммюнике русско-турецкой войны; фразеорефлекс «Все в порядке, пьных нет», возможно, является трансформацией формулы милицейского рапорта. Ситуативные реминисценции указывают на определенную ситуацию, но не представляют собой цитаты. К таким фразеорефлексам относятся, например, русские «вот тебе, бабушка, и Юрьев день», «погорел как швед под Полтавой».

Национально-культурная специфика фразеорефлексов проявляется особенно ярко, как заметил В.Г. Гак [5, с. 49], когда говорящие используют формулы речи, которые они слышат вокруг себя в ресторанах, магазинах, читают в объявлениях и в рекламе.

Вот пример из официального распоряжения, который может быть отнесен к категории цитатных фразеорефлексов: Women and children first – инструкция к действию в горящем здании или на тонущем корабле, обозначающая, что в первую очередь надо спасать женщин и детей. Ср.: Сначала женщины и дети!

Часто фразеорефлексами становятся формулы рекламы. Назойливо преследующие человека, они поневоле врезаются в память, становятся общими достоянием говорящих и легко превращаются во фразеологизмы, обычно хронического характера. Фраза I'am only here for the beer, взятая из британской рекламы пива, сейчас часто используется как рефлекс со значением «я здесь не для того, чтобы предложить помощь или потому, что здесь интересно, просто здесь бесплатная выпивка».

Происхождение некоторых ситуативных рефлексов можно связать с некоторыми периодами жизни людей: The honeymoon is over («медовый месяц кончился») имеет значение «пора начинать работать». Употребляется в ситуации, когда после короткого периода знакомства, «притирания» друг к другу приходится браться за рутинную работу. Например:

The honeymoon is over – people are starting to criticize the new government. К фразе He is at the meeting («Он на совещании») часто прибегают в случае, когда должностное лицо по каким-либо причинам не может ответить на телефонный звонок. Эта известная отговорка часто означает, что человек просто не хочет разговаривать со звонящим.

Нередко во фразеорефлексах обнаруживаются реминисценции из литературных произведений и популярных фильмов. Например, в старых американских вестернах кавалерия всегда прибывает вовремя, чтобы спасти героя от неминуемой гибели, поэтому часто говорят: «The cavalry is on its way», когда кто-то спешит помочь попавшему в беду.

Из приведенных примеров видно, что новое значение фразеорефлекса формируется путем своеобразной ситуативной метафоры: формула отрывается от соответствующей ситуации и применяется в ином ситуативном окружении. При этом на семантическом уровне обнаруживаются два основных способа формирования переносного

значения: собственно перенос (метафора ситуации) и обобщение [см. 5, с. 50]. Перенос может быть проиллюстрирован последним примером: ситуация из фильма замещается ситуацией жизненной, когда кто-то нуждается в помощи. Обобщение можно найти в примере о медовом месяце.

Мы рассмотрели этнокультурный аспект фразеологизированных словесных рефлексов. Национальная специфика их выражается, как отмечает В.Г. Гак [5, с. 54], в неопределенности данной ситуации определенным словесным рефлексом в одном языке и его обозначенности в другом, а также в том, что то или иное слово или формула используются одним языком и не входят во фразеологизмы в другом. Например, выражение Break a leg! («Сломай ногу!») в качестве фразеорефлекса перед чьим-то выходом на сцену.

Коммуникативное поведение любого народа выступает в двух: основных аспектах – вербальном (описанном выше) и невербальном.

Невербальное поведение может, например, проявляться при установке дистанции общения. «Типичная» дистанция, поддерживаемая американцами при общении, достаточно большая (от 1, 2 до 3, 6 м), она соблюдается довольно строго, так как сокращение дистанции в американской коммуникативной культуре не свидетельствует о дружеском расположении, как в русской коммуникации, а наоборот, связывается с посягательством на личное пространство, агрессией или сексуальным домогательством.

Для американцев типично обсуждать важные вопросы на ходу, во время движения. Русские в таких ситуациях предпочитают остановиться или сесть.

Основным мимическим отличием американца от русского является улыбка. Стереотип «улыбающегося американца» не лишен оснований, так как в Америке улыбка является непременной частью разговора. Американцы, встречаясь взглядом с незнакомыми людьми в транспорте, на улице и в других местах обычно улыбаются или что-нибудь говорят. У них принято улыбаться, глядя на детей и животных [13, с. 170].

В обычных ситуациях, когда два человека встречаются, они нередко пожимают друг другу руки, но в Америке даже близкие друзья обычно не обмениваются рукопожатием, за исключением тех случаев, если они слишком долго не виделись или хотят поздравить друг друга. Рукопожатие возможно при первом знакомстве и расставании. Приветствие в ситуации знакомства обычно сопровождается рукопожатием, улыбкой и визуальным контактом. Когда американцы жмут руки, они обычно делают это несколько секунд. Их рукопожатие крепкое, о тех, кто недостаточно крепко пожимает руку, говорят: «он жмет руку как мертвую рыбу» – это признак слабого характера [13, с. 168].

Еще раз отметим, что незнание типичных коммуникативных особенностей носителей языка могут привести к непониманию и даже к конфликтам. Культурная специфика в целом распространяется на коммуникативное поведение народа. Эта специфика проявляется в плане содержания, в плане выражения и в аспекте функционирования.

1. Дейк, Т.А. ван. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познавание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 111-160.

2. Дейк, Т.А. ван. Когнитивные модели этнических ситуаций // Там же. – С. 161-189.

3. Дейк, Т.А. ван. Предубеждения в дискурсе: рассказы об этнических меньшинствах // Там же. – С. 190-227.

4. Дейк, Т.А. ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // Там же. – С. 268-304.

5. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Научные доклады высшей школы. Сер. «Филологические науки». – 1955. – № 4. – С. 47-55.

6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С. 26.

7. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз, русский: выявление

ние стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». – 1995. – № 3. – С. 102-116.

8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.

9. Лакофф Дж. Мышления в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.

10. Лебедев М.Т. Культурные преграды: преодоление трудностей межкультурного общения (Culture Bumps. Overcoming misunderstandings in Cross-Cultural Communication). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999.

11. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: СПбГУ, 1994.

12. Павловская А.В. этнические стереотипы в сфере межкультурной коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 1998. – № 1. – С. 94-105.

13. Очерк американского коммуникативного поведения / науч. редакторы проф. И.А. Стернин, доц. М.А. Стернина. – Воронеж, 2001.

14. Ривлина А.А. Человек и общество: учимся обсуждать социальные проблемы (Man and society: Learn to discuss social problems). – Благовещенск, 1999.

15. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари.

16. Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 151.

Е.А. Бурдуковская, Е.В. Рвачева

ГЕНДЕРНОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА

The author describes the matter and peculiarities of University students' gender socialization by discovering and analyzing gender stereotypes.

Высшие учебные заведения, как известно, являются одним из институтов социализации, профессионального становления и личностного развития студентов, так как в них осуществляются не только передача знаний от поколения к поколению, но и передача социального опыта, а также профессиональная подготовка учащихся, развитие личности, ее становление на профессиональном поприще. Как и другие социальные институты, вуз активно воспроизводит существующие в обществе представления, в том числе представления о мужчине и женщине. В последние годы тематика, связанная с социальным и культурным осмыслением человеческого пола, или гендерная тематика, в системе отечественного высшего образования приобретает все большую популярность.

Под гендером понимается совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями, но и выполнять те или иные предписанные гендерные роли. Внедрение категории «гендер» в педагогический процесс имеет принципиальное значение, поскольку в высшей школе формируются многие представления о профессиональном самоопределении, жизненной стратегии, доступе к ресурсам и власти, имеющие в основе социополовую ориентацию.

В период радикальных преобразований в обществе людям, особенно молодежи, следует обратить внимание на то, как они сами воспринимают выполняемые гендерные роли, и глубоко осмыслить, какое влияние это восприятие оказывает на их жизнь и реализацию себя в профессии. Огромное влияние на гендерную социализацию оказывают сложившиеся в обществе гендерные стереотипы, которые предписывают людям разного пола те или иные качества, манеру поведения, выполнение определенных ролей в различных сферах жизнедеятельности общества, обуславливают траекторию личностного развития и профессионального становления.

Гендерные стереотипы относятся к социальным стереотипам, под которыми понимаются упрощенные, схематизированные образы социальных объектов и событий, обладающие значительной устойчивостью. Гендерные стереотипы очень упрощают реальную ситуацию, однако в коллективном общественном сознании они закреплены прочно и меняются медленно.

В той или иной степени стереотипы-предвзвешенности воздействуют на каждого человека. Проявление гендерных стереотипов повсеместно, начиная от «Не плачь, ты же мальчик» до разделения профессий на «мужские» и «женские». Согласно укоренившимся представлениям женщинам в обществе придается меньшая ценность, чем мужчинам. Мужчины делают карьеру, реализуют себя как личности и обще-

ственные деятели. А женщины воспитывают общих детей, и ведут общее домашнее хозяйство, тоже работая, причем на бесперспективных низкооплачиваемых должностях.

В профессиональной сфере гендерные стереотипы накладывают отпечаток на распределение должностей, на характер выполняемой работы, на отношение к профессиональным достижениям работников-мужчин и работников-женщин. В условиях трансформации общества на ситуацию на рынке труда воздействует ряд гендерных стереотипов, косвенно или прямо влияющих на стратегии занятости как мужчин и женщин. Наличие того или иного стереотипа находит свое отражение в реальной жизни.

Согласно существующим гендерным стереотипам мужчины всегда рассматриваются как экономически, социально и политически независимые индивиды. Женщина же видится, в первую очередь, в контексте взаимоотношений с другими индивидами, в контексте семейного окружения. Женщины в представлениях мужчин (а нередко и женщин) должны в первую очередь успешно исполнять традиционно предписываемую им роль «домашней хозяйки», «хранительницы домашнего очага» и т.п. Мужчинам же следует заниматься профессиональным трудом, который гарантирует им высокий социальный статус и позволяет обеспечивать уровень и качество жизни их семей. И как результат – достижений в сфере профессионального труда ожидают прежде всего от мужчин. Примером могут послужить данные статистики о предпочтениях работодателей при найме работников – эти предпочтения всегда в пользу мужчин.

Студенческие годы – время овладения выбранной профессией, определения отношения к общественной жизни и своей роли в ней, а для многих это еще и время создания семьи и устройства семейной жизни, период интенсивного личностного становления, определения собственной позиции, жизненных принципов и стратегии на будущее. Иногда студенты, выбирая манеру поведения, профессию, брачного партнера ориентируются не на собственные предпочтения, желания, а на принятые в обществе нормы, которые зачастую регламентированы традиционными гендерными стереотипами. Поэтому так важно знать особенности гендерных стереотипов в российском обществе, степень их влияния на различные сферы жизнедеятельности для того, чтобы помочь студентам-юношам и студентам-девушкам быть равноправными партнерами.

С целью выявления гендерных стереотипов студентов вуза на базе АМГУ нами было проведено эмпирическое исследование. Выборка составила 69 человек в возрасте от 17 до 22 лет (31 юноша, 38 девушек), студентов факультета социальных наук, прикладных искусств и инженерно-физического факультета. Приведем результаты ответов респондентов на вопрос о свойственных для женщин ролях (таблица, %).

Высокий процент высказываний юношей о том, что роль женщины – роль сексуального партнера, можно расценивать двояко: с одной стороны, это свидетельствует о возможном желании гармонизировать отношения с женщиной и сексуальная сфера играет в этом не последнюю роль; с другой стороны, это может означать некоторое потребительское отношение к женщине как представительнице своего пола.